
КРИСТИНА ЮРАШ
ИЗМЕНА
ВЛАЖНЫЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Кристина Юраш

Измена. Влажные обстоятельства

https://litres.ru/74747993
SelfPub; 2026

Аннотация

— Барин вернулся! — обрадовалась я, прижимая к груди маленькую дочь. — Он же жениться на мне обещал!

Только за дверью спальни мой любимый уже вовсю развлекался с другой! А я, дура, от родного отца ради него отказалась!

Схватила ребёнка и сбежала на старую мельницу. Думала, хуже уже не будет. Ага! Как бы не так!

Меня утопил наглый красавец-водяной с зелёными волосами! А потом выяснилось, что теперь он обязан на мне жениться!

— Не возьму! Она же с ребёнком! — возмутился этот мокрый гад.

Ах ты ж, нечисть бессовестная! Да я и сама за тебя не пойду!

Только вот водяной ещё не знает, что в теле бедной Настасьи теперь я — современная женщина, которая и мельницу восстановит, и нечисть построит, и красавца научит жену уважать!

В книге:

Наглый, очень красивый водяной, который не хотел жениться
Измена и новая жизнь с ребёнком на руках
Старая мельница и целая деревня нечисти
Любовь, юмор и счастливый конец!
Однотомник. ХЭ.

Кристина Юраш
Измена. Влажные обстоятельства

ПРОЛОГ. Бедная Настя

— Вернулся барин? — радостно спросила я, подходя с доченькой на руках к красивым дверям. — Долго же его не было! Говорят, ездил разрешение на брак испросить! Так дали его или нет?

— Ой, вернулся, Настасьюшка… — послышался жалостный голос бабки — дворовой. Она как встала в дверях, так и не пускала. А взгляд у нее был такой, что прямо душу вон. — Не ходила бы ты, обождала… Вон, дите, небось, голодное! Потетешкай, покорми… А слыхала, что водяной Акулину утащил! Вон че творится!

— Да что ты мне своим водяным! К барину пустишь? — спросила я.

Бабка стала меня заворачивать. А я бы и рада уйти! Видеть –то я глазами видела, а ничего поделать не могла. Словно мне все это показывали!

А из комнаты смех доносился. Женский.

Впервые мне снился такой странный сон. Я даже понять не могла, в чем дело! И я — не я, и слова не мои! Но было ужас как интересно!

— Пусти! — упрямо потребовала я, а бабка запричитала, что пускать не велено. И снова смех из комнаты донесся. Игривый такой.

— Ой, не знать бы тебе, а! Меньше знаешь, крепче спишь, Настасьюшка! Шла бы ты! Да опосля придешь! — жалостливо произнесла бабка, пока я смотрела на золотые дверные вензеля. — Он же барин! А бары все такие!

— Он что? Невесту привез?! — опешила я. Вспомнилось мне, как за руки хватал, как жениться обещал. Прямо видела, как перед глазами все промелькнуло. Только лица не помню. И тут же все потемнело от слез.

— Отойди! — прошипела я, покрепче прижимая к себе дочь.

Вот это сон!

— Не велено пускать никого! — послышался шепот бабки. Она округлила выцветшие глаза и расставила руки. — Сама знаешь. Про барина нашего, молодого, много чего сказывают! И про силушку его… Боюся я его! Вот поэтому иди, Настасьюшка… Потом придешь!

— Ах! — донесся женский голос за дверью, а я отодвинула плечом бабку.

— Ой, не доводи до греха! Колдун он! Как бы ты себе хуже не сделала! О Миленке подумай! — запричитала бабка. А на руках у меня дите заерзало. — Пускать не велено! А вот показать могу! Только смотри, Настасья! Не дури!

Она легонько толкнула двери, а я увидала, как на пол ле-

тит рубаха. Сердце поджалось, а меня затрясло. Следом увидала голую спину мужчины промеж белых, женских ног. И кудри буйные, по плечам рассыпались. От покачивания вмиг на одну сторону сбились!

Зажав рукой рот, чтобы не вскрикнуть, я стояла и смотрела на разложенную девку, которая пищала: «Ах, барин! Что ж вы творите! А что на деревне потом скажут! Ох! Срам – то какой!».

— Ну, милка, — попыталась оттащить меня от дверной щели бабка. — Поглядела, и хватит! А теперича иди да упокойся! Водицей умойся, а позовут, так явишься! Слыхала я, что новость хорошую для тебя привез!

— Это что ж получается… — прошептала я беззвучно.

— Ты главное — сейчас не реви! Себя под монастырь подведешь, и меня заодно! — слышался испуганный шепот бабки. — А он как осерчает — сама знаешь, какой лютый!

— Ой! Барин! Смотрють на нас! — внезапно закричала растрепанная румяная девка, а сама потянула на себя сарафан, прикрывая большую грудь. — В щель заглядывають!

— Где? — мельком обернулся мужик. А я даже разглядеть его толком не успела, как дверь закрылась.

— А то сквозняк дверь открыл! — послышался громкий голос бабки. А она толкнула меня сухонькой рукой и зашептала. — Уходи, глупая… Че встала!

— Ой, да приоткрылось чутка! Никто не смотрит! — фальшиво произнесла бабка, прогоняя меня.

А меня и прогонять не надо было. Ноги сами несли меня коридорами.

Я помню, как выбежала в слезах на ступени усадьбы. Черная карета, покрытая грязью, стояла на заросшей колее.

— Добрый день, Настасьюшка! — послышался басовитый фальшиво — приветливый голос справа. — Как здоровьице? Слыхала? Акулину водяной утащил! Горе-то какое!

— Гляди-ка, наша полубарыня с дитем кудой-то побежала! — послышались недоуменные бабьи голоса слева.

Но я даже не посмотрела, кто это говорит. Ноги сами несли меня куда-то прочь. А сердце поджималось.

— А водяной-то красавец — раскрасавец! Я его два разы в жизни видала! — слышался девичий голос. — Плечи широченные, глаза, как озера! А богат, что царь! Много чаво у него там под водой есть! Только жадный он!

Голоса удалялись, а все вокруг обсуждали какую-то Акулину.

— Ничего, — шептала я, прижимая к груди дите. — У-у-у! Предатель окаянный! Змеины зенки его да выклевать! Да разве можно так? С сердцем любящим! Да разве можно так! А я же для него, от отца родного отказалась, сердце из грудей вынула, и ему принесла! А он растоптал его!

Вокруг меня шумел лес, а я брела куда-то по дороге, рыдая навзрыд и прижимая к груди ребенка.

Интересно, что там за мужик такой, по которому я так убиваюсь?! Не родился такой красавец, чтобы я прямо вот

так вот шла и ревела, как дура. Эта мысль прошила меня сквозь сон.

— Ничего, — шептала я, целуя в макушку доченьку. — Выживем! Не беда! Я роботящая! Не пропадем! Как же так вышло –то, что из огня да в полымя попала?

На горизонте, вдалеке среди дремучих и густых елей виднелась старая мельница. Ее лопасти еле крутились.

— Видать, черти батюшкины все еще крутят ее! — прошептала я, не сводя взгляда с мельницы. — Или ветер! Ох, не знаю! Слаба я в колдовской науке. Батюшка ничему не учил.

— Как мельницу нашу починим, так и заживем с тобой! — прошептала я, идя по шаткому скелетику — мостика.

Внезапно все вокруг потемнело, словно перед бурей. Мостик вдруг качаться начал. Хоть и ветра не было. Я сжалась, как вдруг в воде очутилась, а меня руки вниз потянули!

— Ой! — подскочила я, задыхаясь и вылезая из-под одеяла. Сердце до сих пор колотилось. А вместо ребенка я прижимала к себе подушку. Время сколько? Час ночи? Ой… Приснится же такое!

И тут я почувствовала, как меня снова накрывает темнота, но на этот раз поцелуем.

Темнота раздвинула мои губы, а у меня по коже мурашки побежали. До чего сладкое чувство разлилось внутри. Я ощущала, как сверху на меня наваливается огромное мускулистое тело, как чужие мокрые волосы, скользят по моим

щекам. Как меня согревают и сминают сильные руки.

Я чуть-чуть приоткрыла глаза и увидала красивого, как божество, мужика. Он был настолько красив, что я решила не сопротивляться. Литые мускулы были подсвечены лунным светом. И казалось, что не кожа это, а чешуя. Темно — зеленые волосы расползлись по широким плечам. А одна из прядей прилипла к чувственным губам. О, боже! Как же это волнующе выглядит.

А вот этот сон мне уже нравится!

Красивые губы приоткрылись. Я была уверена, что он вот-вот признается мне в любви. Я готова была губами ловить каждое его слово, как поцелуй.

Хотя стойте! А не эти ли руки меня под воду утащили?!

— Раз потонула девка, значит, придется тебе жениться! Вот ума не приложу, а че с дитем взял? — послышался незнакомый мужской голос. А я тут же прикинулась дохлой. — Как там было? Кто следующий потонет, тот и женой твоей стать должен!

— Да, только ты не уточнял, что это обязательно девка будет! — огрызнулся красивый голос, а меня грубо сжали в руках. — Ой, отыграюсь я, Леший… Отыграюсь!

А это кто вообще? С кем я тут целуюсь?

— Вот именно, я не уточнял! — хохотнул второй голос. Он был ниже и грубее. — Так что соглашайся пока девка! А то вон, по — мосточку бабка козу гонит! Бабка старая, коза тоже не молодка! А мосточек под ними хрустит, трещит…

— Вот смотрю я на бабку с козой. И чую, что от такого разнообразия у меня глаза разбегаются! — ядовито произнес голос надо мной.

— А что тут выбирать! Или бабка, или коза! Вот будешь знать, как девок запросто под воду утаскивать! Потехи ради! Их и так в деревне мало осталось! А красивых еще меньше… А эта вон какая красавица!

Я чувствовала, как меня сжимает сильная рука. А тихий и злобный голос шипит на ухо: «Настя! Очнись!».

— Да не красавица она! Ты на ее лицо глянь! В деревне не без изъяна! У нас это — Настя! Дочка мельника! У нас с ней знакомство старое! — послышался небрежный голос красавца. Мне жутко захотелось влепить ему пощечину по первое число. — К тому же с дитем не возьму! Я — не ты, чужих не нянчу! Я лучше другую, покраше подожду! Хочу, чтобы жена красавицей была! А детей я и сам делать умею!

— А будет Настя, — заметил голос того, кого называли Лешим. — Губы у нее уже синие. Ну все! Загубил девку! Твоя теперь!

— Не померла она! Вон живая! Настя, вставай! — тряхнули меня. — Настя, я слышу, как ты там дышишь!

Я пошевелила пальцами, вплетая их в прохладную траву. Лежала я на бережку. В мокрой рубахе. Волосы противно липли к щеке. Так, а вот это уже никакой не сон!

У меня в голове шумела одна мысль!

Спасли ли мою доченьку?!

Глава первая

Вокруг никого не было. Я осмотрелась, как вдруг услышала тихий детский плач. Совсем близко. В высокой густой траве. У меня прямо с души камень упал.

— О, — прошептала я, беря на руки малышку. Она всхлипывала, морщилась, как печеное яблочко, а я не верила своему счастью. У меня снова есть ребенок!

— И как же тебя зовут? — шептала я, согревая дыханием крошку. Имя вылетело у меня из головы. — Не напомнишь?

Но кроха не отвечала. Она лишь доверчиво вцепилась маленькой пухлой ручонкой в мою мокрую одежду. Странно, но я была насквозь мокрая, а малышка — сухая.

Все вокруг казалось таким нереальным. Никогда в жизни я не видел таких огромных елей.

Где-то поверху древних елей пронеслось что-то наподобие урагана. Верхушки раскачивались, а среди завываний ветра слышались гадкие смешки. Все исчезло так же быстро, как и появилось.

— Интересно, что это? — с любопытством смотрела я, на удаляющийся вихрь.

Только в лесу где-то далеко послышался истеричный женский крик, переходящий в истошный писк.

— Даже знать не хочу! — дернулась я, понимая, что мне дико хочется пить.

Я положила ребенка и спустилась по песчаному бережку к воде, зачерпнула ее, помолилась Менделееву, вычеркнула

из памяти ровно на пару минут волшебные слова «холера и дизентерия», и сделала глоток внезапно теплой воды. Это во сне она казалась холодной, а сейчас я чувствовала ее теплоту.

— Настя! Ты опять! — процедил красавец — водяной вынырнув прямо передо мной. А я села на попу не то от переизбытка впечатлений, не то от неожиданности.

— Я просто водички попить хотела… — произнесла я, не веря в то, что вижу красавца так близко. Его кожа, посеребренная лунным светом, казалась магически — притягательной. И под лучами она отливала серебром чешуи. Немного спутанные волосы прятали тугую грудь, а на коже, словно бриллианты, виднелись капли воды.

— Я знаю твою водичку! — сощурил глаза водяной. Не пойму, какого они цвета. — Настя, иди домой! Домой — это туда!

— Вообще-то, я — не та Настя, — заметила я, прижимая к себе чужого ребенка. И тут же исправилась. — Ну, я как бы тоже Настя! Но не Настя!

— Ненастья! — заметил красавец, смерив меня взглядом. Интересно, что во мне такого страшненького, то на мне жениться не захотели сразу двое! — Греби на мельницу!

Я решила не испытывать судьбу, поэтому стала отходить подальше. И тут, сделав несколько шагов, я поняла, что не знаю, где тут мельница!

— Простите, — постаралась быть вежливой. Я увидела

широкую спину атлета, которая почти скрылась в воде.

— Что?! — обернулся и сверкнул глазами водяной.

Мне показалось, что орать на весь лес не вежливо. Особенно, когда там по верхушкам какая-то хрень скачет, поэтому я сделала несколько шагов к воде.

— А мельница это туда? Да? — спросила я, подходя к воде еще ближе.

— Я тебе сказал, чтобы к воде не подходила! — рявкнул водяной. А я подняла глаза и сама увидела очертания мельницы среди сосновых верхушек.

Стоило мне отвернуться и направиться по тропке, как я остановилась. Внезапно мне в спину что-то прилетело.

— Иди! — послышался крик, а я опустила глаза, видя на траве извивающуюся крупную рыбу.

Тропка уводила в чащу. Я несла в руках малышку и рыбину. Не пропадать же добру!

Зловещий скрип становился все ближе. Словно огромное чудовище в ночном мраке возвышалась мрачная мельница. Лопасти медленно делали оборот и, казалось, замедлялись.

Осторожно, словно боясь, что все это завалится мне на голову, я толкнула дверь, как вдруг поняла, что во что-то вляпалась рукой.

— Ну ешкин — кошкин! — дернулась я, видя испачканную в дегте руку. Перехватив крошку поудобней, я попыталась найти глазами хоть какую-нибудь тряпку.

Немного пометавшись, я заприметила избушку. Я толкну-

ла плечом дверь, делая достаточно смелый шаг в темноту.

Сейчас бы вытереть руку обо что-то! О! Вон та меховая хрень подойдет!

Пока я вытирала, у пушистого «подойдет» вспыхнули глаза.

Глава вторая

— Ща я тебе судьбу твою расскажу! А то повадились! Как че мельница заброшена, так че? Можно шляться! — зашипела сонная шапочка мне в лицо.

Я шарахнулась и прижала к груди ребенка. Это что такое!

— Ща я тебе такое нагадаю!

— Ой! — дернулась я, а на руках запищала дочка.

На меня хмуро смотрел мохнатый шар.

— Так, усе с тобой понятно! Замуж ты не выйдешь! По причинам вполне наглядным и … — заметил шарик, принюхавшись. — И, кажется, обосравшихся! Учти! На мельнице вешаться не дам! Поныть — поной. Так и быть, выслушаю! А коли хочешь, чтобы красиво и с дитем, то это к водяному! Пруд там!

— Я только что оттуда, — заметила я, вспоминая красавца- водяного и его слова. Вот кому-кому, а ему бы я от души отомстила!

— И че? Не взял? Потонуть не смогла? — спросил шарик и почесался.

— Он сказал, что я некрасивая. И с ребенком я ему не нужна, — произнесла я, а у меня даже зубы свело от обиды.

— О! Значит не врут! Правда, осерчал на него Леший! —заметил шарик и отряхнулся от муки. Из седого он стал черненьким.

— А коли хочешь наверняка, то иди в баню! Обдериха ребенка заберет, а банник тебя задавит, а шкурку твою на каменку растянет! — легко произнес добрый шарик.

А мы что? Кажется, правда! Обделались! Где бы пеленку раздобыть. Я сделала шаг к какой-то скамейке, а на которой, как мне показалось в полумраке лежала кучка тряпья!

— Так, погодь! Настюха, ты что ли? — спросил изумленный шарик и прищурился.

— Наверное, я, — заметила я, подозрительно прищурившись в ответ. — Смотря, кто спрашивает!

— Как кто? Домовой! Ты что? Родного домового не узнала?! Ты же от меня в детстве голопопая бежала и визжала! А кто тебя по ночам пугал? А? Забыла что ли? — прошипел обиженный такой забывчивостью жутковатый комочек. Он стал увеличиваться прямо на глазах. И стал напоминать маленького черного человечка покрытого мехом. И немного дегтем!

Вот после такого я бы точно его не вспомнила!

— Тьфу! — сдул он челку, а меня посмотрел светящийся глаз. Такого во сне увидишь, грязными пеленками не отмашешься. — Нагулялась и нагуляла? А что ж нам теперь делать?

— А с чего ты решил, то нагуляла? — спросила я, пытаясь

разворошить тряпье. Ой! Да меня так удар хватит! В тряпье скелет был! Я попятилась, вытирая об себя руку.

— О! Знакомься, Тимофей! Все вынести его некому! — заметил шарик. — Кроме сов и мышей хоть какая-то компания! А чего помирать сюда пришел, не знаю. Пришел, такой, значит, сидит себе в уголочке… Штаны спустил… А я ему тихонько на ушко: «А чего пришел?!». Он как на меня посмотрел, как рот открыл, как глаза вылупил, так ртом воздух хватает, толком ничего ответить не может. Так я и не понял, зачем пришел! Видать — помирать!

— Так, — выдохнула я, глядя в темные углы. Здесь явно давно никто не бывал. Все вокруг было грязным, поросшим паутиной, заброшенным. Вокруг не то пыль, не то мука.

Я нашла какую-то скатерть, вытерла попу пеленкой и завернула в скатерть ребенка. Нужно будет спросить, где здесь вода!

Только — только я собиралась открыть рот, как окном послышались шаги. Кто-то пробирался и хихикал.

— Вон они! Гадуны! Ща! Погодь! — потер пушистые лапки домовой. — Ща мы им как нагадаем!

Глава третья

Голоса стали ближе, а я прижала к груди крохотную девочку. Боже мой! Я не устану радоваться ее крохотным пальчикам, крохотным ножкам, которые легонько пинают меня. И головешке с реденькими золотыми завитками волосиков. Мягкими — мягкими, как пушок. К ним так приятно при-

жиматься губами. Я чуть не заплакала от счастья.

Если это сон, то я не хочу просыпаться никогда! Я готова стерпеть все! Тяготы, лишения! Лишь бы вот так вот прижимать к груди теплый, икающий сверток.

— Судьба, дай мне знак, — прошептала я, боясь, что это все-таки сон. И мне предстоит проснуться.

Внезапно я услышала хруст шагов там, за бревенчатой стеной и увидела, как в маленькое оконце лезет что-то большое и белое.

Что бы это могло быть?!

Я сначала не поняла, что это за чудовище, поэтому на всякий случай сделала шаг назад.

— Это что такое? — спросила я, глядя на то, как бледное чудовище остановилось на полпути. Что-то страшно! Прямо до мурашек! Не нравится мне все это!

— Как че? Задница! Это ж девки гадают! Если волосатой и теплой рукой поглажу, то жених богатым будет! А если лысой, то бедный! Вот так бабья доля от меня зависит! То так поглажу, то так! А там, того и глядишь, совпадет что-то! Нет, а что? Скукотень тут! Ты ж сама так гадала?! Забыла что ли? — усмехнулся домовой. Я посмотрела на задницу, свесившуюся из окна. Где-то есть пробел в образовании, который только что восполнился.

— Наверное, — кисло ответила я, не представляя, как совала задницу в чужие окна. — И что мне нагадали?

Хотя…. Я посмотрела на малышку, понимая, то только

что нашла отличный способ знакомства с мужчиной!

— О! Марфушка! — усмехнулся домовой, довольно потирая пушистые руки. — Че не узнала? Это ж Марфушка!

А должна, да?

— Марфа ты уже пятый раз приходишь! В ентом году замуж тебе не светит! — проворчал домовой, пока я все еще не верила своим глазам.

Этот пушистый крендель удивлял меня все сильнее!

— О! А это Аннушка! — заявил домовой, когда в окно полезла еще одна задница. Сначала она попыталась бочком, а потом кое-как поместилась. — Первая красавица на деревне!

О! Ну это понятно!

— Как сядет — орех расколет! — заметил домовой. — А если мужику на колени, то все два! Скоро сваты явятся!

— Манька Старшая, Манька Меньшая, Дуся Кривая, Дуська Петрова! А эта вообще не из нашей деревни! — заметил домовой, трогая сменяющиеся задницы. — Нет, а че мы так смотрим? А кто еще девкам будущее расскажет!

— Ой! — послышался писк, когда домовой ущипнул кого-то за попу. Шаги удалились. А я на всякий случай окно закрыла ставнями.

— Так, на чем мы остановились? — спросил лохматый, пока я не знала с чего начать.

— А где здесь вода? — спросила я, понимая, что попа - то у нас грязная. И ее не мешало бы помыть! А то потом

раздражение всякое!

— Как где? — удивился домовой. Он зажег печку. Я думала, что с печкой будет чуть получше! Но нет! Все вокруг было в таком запустении, что даже теплый свет от печки не спасал картину! Старые горшки стояли один в одном, а от них тянулась паутина. Какие-то черепки валялись на полу. По печке ползли трещины.

— Так, где вода? — спросила я уже настойчивей.

— В озере! — заметил домовой, отряхиваясь от муки.

Опять туда?

Глава четвертая

Я прикинула, что мне опять придется идти к этому озеру, и поежилась. Жутковатое местечко.

— Или дождичка жди! Или колодец! — заметил домовой. Он что-то хлопотал по хозяйству. Горшкки гремели, паутина шуршала. Но уютней от этого не становилось.

— О! Я выбираю колодец! — обрадовалась я альтернативе.

— Тогда рой, — заметил домовой, усевшись на лавку и вздохнув. — И Тимофея заодно вынеси и схорони. Ругаемси мы с ним часто последнее время. Надоел он мне!

Внезапно он встрепенулся и прислушался.

— Опять идут? Да им тут что? Медом намазано? Одну минутку!

Домовой несколько раз ударил себя кулачонком в грудь, а потом как завоет!

— И ты тоже вой! — прокашлялся он шепотом, взяв паузу. — Ау-у-у-у! Сейчас как ноги повыдираю! Как выскочу…

И тут же негромко: «Слышишь, не уходят! Давай, вой со мной! Раньше я на них Тимофея спускал. А сейчас мы поругались. Схорони его! Чтоб глаза мои его не видали!

— Ау-у-у-у! — орала я, сама не понимая для чего. Получалось жутко. А тут еще и ребенок на руках решил, все орут, и я должна!

— Детский плач! Вот нечисть разгулялась на заброшенной мельнице! Будет, о чем на деревне рассказать! — послышался уивленно — перепуганные голос с улицы.

Домовой как ударил ставнями, так спешный топот ознаменовал нашу победу.

— Опять гадуны! — принюхался домовой. — А то чуть что повоешь, как под окнами лепешки! Их, Настюха — Настюха… Ты к нам насовсем? Али как?

— Насовсем, видимо, — пожала я плечами, все еще не веря в то, что вижу. — Ладно, пойду на озеро. Попу мыть!

Я встала, отворила скрипучую дверцу и шагнула в темноту.

Ночь разбросала по небу сверкающие звезды. Огромные ели качали на пушистых лапах тонкий полумесяц. Где-то слышались шорохи и крики, ветер с запахом весны доносил откуда-то издалека обрывки песен. А маленький домашний йети шевелил лапками и вилял пушистой попой.

— Я, конечно, из дома выхожу редко! Тимоха свидетель,

не даст соврать! Но так и быть провожу! Ты слыхала, что Акулину утащил водяной? — спросил пушистик. — Ты ее рожу видела? Страшная она! Я в енто не верю! Это Лихо ее съел! Брат Лешего! Слыхала про такого? У нас тут упырь завелся!

— Охренеть! — прошептала я с квадратными глазами. Еще и упырь!

Мне как раз только — только примерещилось, как в темноте леса глаза засветились. Я прижала малышку к себе покрепче.

— На батю твоего похож, — заметил домовой.

— Отлично! — выдохнула я, видя, как серебрится промеж деревьев озерная гладь.

Я спустилась вниз, боясь оступиться в темноте и зацепиться за какую-нибудь корягу.

Осторожно, неспеша я подошла к водной глади, как вдруг вода расступилась, стекая по восхитительно- волнующим мужским плечам ручейками. На меня пристально смотрели светящиеся глаза на бледном красивом лице. Лунный свет вплетался в темные, мокрые, спутанные волосы, а хмурые брови сошлись на переносице.

— Настя! Ты что здесь делаешь? — произнес красивый голос, а сильные руки сплелись на груди.

— Простите, а где здесь водичка потеплее? — вежливо спросила я, пытаясь ногой потрогать воду.

— А тебе зачем, Настя? — спросил водяной, опустив

взгляд на мою ногу — детектор.

— Попу помыть, — чистосердечно ответила я.

— Настя, знаю я вас! Знаешь, сколько девок здесь на радостях попы помыли!

Глава пятая

Красавец однобоко ухмыльнулся. А я немного не поняла, о чем это он!

— Сколько? — наивно спросила я, видя, как вспыхивают глаза водяного, а он подплывает ближе.

— Много, — многозначительно отрезал водяной. Мне было интересно, а что там у него дальше… Ну, то есть, ниже! Неужели рыбий хвост? Я все пыталась рассмотреть, но из-за темноты вод, ничего не было!видно

«Сверху редиска — снизу селедка!», — усмехнулось что-то внутри.

— Я просто помою попу ребенку! — предложила я, обходя со стороны густых камышей. — Тебе что? Жалко что ли?

— Настя, кого ты обманываешь! — заметил водяной, делая маневр и снова оказываясь передо мной. — Тебя мужик бросил. С ребенком. Вся деревня судачит о твоем позоре! И ты говоришь, что просто хочешь помыть попу ребенку? В полночь? Простоволосая, в одной рубахе! Серьезно? Настя. Иди домой! А!

— Уже ухожу! — закатила я глаза, делая вид, что и правда собралась уйти. На самом деле план был прост. Зайти со стороны густых камышей, которые расшумелись слева. На-

деюсь, там меня видно не будет. И я преспокойненько сделаю то, ради чего сюда пришла!

Только я убедилась, что водяной нырнул обратно в воду, как тут же стала спускаться в сторону камышей. Пришлось даже пригнуться. На всякий случай!

— Настя! Я все вижу! Можешь не прятаться! — внезапно послышался голос. — Я твою задницу издалека вижу! Никакие камыши ее не спрячут! А ну быстро отошла от воды! Тебе там? Медом намазано!

— Не хочешь пускать — мой сам! — предложила я, глядя на водяного. — Чуешь, чем пахнет!

— Эм… — водяной опешил, глядя на грязную попу. Детские ножки дрыгнулись, а я продемонстрировала природные художества.

— Ладно, — настороженно произнес водяной и сощурил глаза. — Так, моешь здесь! Чтобы я видел!

Он отплыл, а я спустилась к воде и стала отмывать теплой водичкой белую детскую попу. Стоило мне сделать шаг назад, как я споткнулась и…

— Куда в воду!!! — заорал водяной, внезапно оказываясь напротив.

— Да я просто споткнулась! Тут целая коряга! Или корни какие-то! — оправдывалась я, заворачивая ребенка в скатерть.

— Споткнулась, на мужика упала, об жизнь ушиблась… — усмехнулся водяной. Было в нем что-то жуткое, но в то

же время соблазнительно манящее. Например, улыбка. — Я вас знаю! Посидите на бережке, поревете, повоете! Ах, мерзавец, ах, подлец! Ах, очи змеиные! Ах-ах-ах! И пусть ему стыдно будет! Родители из дома выгнали! Ребенка кормить нечем! С голоду помрем! А потом бултых! И как топор на дно!

— Так у меня все хорошо! Я не собираюсь топиться! — удивленно произнесла я, понимая, что попа вымыта и можно возвращаться на мельницу.

— Я хоть и киваю, и смотрю понимающе, — гаденько усмехнулся водяной. — Но при этом не верю ни единому твоему слову.

Я пожала плечами, а потом пошла по тропке, понимая, что где-то по пути потерялся мой домовой.

На мгновенье мне захотелось обернуться и посмотреть, а где там водяной?

Стоило мне повернуться, как мне в затылок снова прилетела рыба. Я подобрала ее, а потом подумала, что мало, и второй раз обернулась нарочно.

— Пошла вон! — послышался насмешливый голос, а в меня прилетела еще одна рыбина. Я наклонилась к ней, но она дернулась на траве, и я от неожиданности отдернула руку.

Заросшая тропка вывела меня прямо на мельницу.

— Ты че так долго? — спросил пушистый шарик. — Ого! Ты че там? Рыбу ловила?!

Глава шестая

— А я тут люльку нашел! — заметил домовой. А я обрадовалась, укладывая ребенка на мягкую тряпку с сеном. Люлька висела на веревках и держалась за балку.

Пока я бегала за еще одной рыбиной, которую потеряла где-то возле дверей на мельницу, я не выдержала и осторожно открыла покрытую дегтем дверь.

Там все было в муке. Я тут же принялась ее собирать. Получился мешочек. Так, а что еще интересного можно найти?

Через час я сидела в избе и потрошила жаренную рыбу в кляре.

— А соль ты где взяла? — спросил домовой, пока я облизывала пальцы. Люлька качалась, а малышка задремала.

— Соль я нашла неподалеку. Сначала не поняла, что это, а потом увидела, как будто кто-то носил мешок и просыпал. Проверила, а это соль! Причем возле двери была! — заметила я, бросая рыбные кости в печку.

— Пхе! — выдал домовой, округлив желтые глаза. Он смотрел на меня так, словно у меня рога выросли. — Ой зря ты так! Соль –то не просто так рассыпана была!

— А что не так? — спросила я, баюкая малышку. Я попыталась покормить ее грудью, но молока почти не было. Нежный завиток детских волос вызывал теплое чувство умиления. А мысль о том, что у меняя почти перегорело молоко вызывала у меня животный ужас.

Внезапно в дверь постучали. Я бросила взгляд на нее, а

потом посмотрела на домового.

— Да все не так! — заметил домовой, а желтый глазик у него дернулся.

В дверь снова постучали, а я пожала плечами:

— Опять гадуны? — спросила я, готовясь выть как соседская хаски.

— Хуже, — икнул домовой, осматриваясь по сторонам. Я смотрела, как он осторожно отступает за печку. И мне это не понравилось!

— Что может быть хуже? — спросила я, пытаясь выглянуть в окно. — Водяной? Эй, я с кем разговариваю?! Ты куда делся?

Я скрипя половицами подошла к двери и прильнула к ней. Внезапно дверь отрылась, а меня отмело к печке. В дверях стоял приземистый мужик с бородой и светящимися глазами.

У продуктов бывает срок годности. У людей, наверное, тоже… Так вот, в этом случае срок годности у незнакомого мужика подошел к концу.

Я бросилась к люльке, выхватила оттуда малышку и прижала ее к груди. Жуткий мужик сверкнул глазами, видя, как я отступаю, и тут же бросился на меня.

— Иииииии!!!! — завизжала я на ультразвуке.

Глава седьмая

— Иииииии!!!! — повторила а я, едва не теряя сознание. И снова набрала воздуха в грудь, чтобы закричать.

Этот жуткий мертвец схватил меня обеими руками! Я зажмурилась, почуяв, что сейчас мне наступит конец.

— Дочка! — послышался сиплый голос. — Настенька! Это же я! Тятька твой! Афанасий! Тятька откопался! Ты что? Не рада?

— Аааа!!! — продолжали орать мы с ребенком. Мы были очень рады! Радости полные штаны!

— Не ну брось ты так громко радоваться! — заметил покойник, осматривая избу. Сам он был какой-то серенький, плесневелый, как краюха хлеба, забытая в пакете и положившая начало своей экосистеме. — А то сейчас деревенские набегут и кол в сердце всадят! Тебе, чтобы не орала посреди ночи!

— Может вам? — спросила я, не веря своим глазам. Он не собирается нас есть? А не тот ли это упырь, о котором домовой говорил?

— А мне за что кол? — удивился старый мельник. — Я — то тихонький! Посреди ночи не ору!

Я поняла, что уже не ору не сразу. Старый мельник стоял в лунном свете и чесал живот. На нем была грязная рубаха, не менее грязные штаны и почему-то один сапог.

— А как мельницу запустить? — спросила я, набравшись храбрости. На одной рыбе малышку не прокормишь. К тому же у меня, видимо, молоко перегорело.

— А че? Ее не достаточно запустили? Да? — спросил мельник, расхаживая по избушке и трогая паутину. —

Опосля смерти моей ее запустили мама не горюй!

— Я про то, чтобы она крутилась, — спросила я, понимая, что если будет мельница, будут и клиенты. А будут клиенты — будут деньги!

Мельник посмотрел на меня с усмешкой.

— Отказалась ты от моей науки! А теперь забегала! То-то же! — вздохнул мельник, усаживаясь на скамейку. — Чтобы с мельницей управиться нужно силу иметь! Ты думаешь, почему мельница не крутится? А все потому, что биси мои разбежались! Новых нужно собирать! Или старых обратно звать!

— А где? — спросила я, зевая.

— А это ты не у меня спрашивай! — заметил мельник, провернув кист.ь руки на триста шестьдесят градусов. — Мне мельница с бисями в наследство досталась! А тебе ничего передать не успел! Пришлось чертей в сундук заманивать и в воду кидать… А что такое?

— В озеро? Да? — задушевно спросила я, понимая, куда придется идти. «Только не туда! Только не туда!», — мысленно скрестила я пальцы.

— Какое озеро? Обижаешь! — усмехнулся мельник, поглаживая остатки бороды. — Я в реку кинул. Ну в ту, что в озеро впадает! Насть, ты чего?

Глава восьмая

А Настя ничего! Я смотрела на мертвяка, понимая, что лучше бы задушил! Ну, река — не озеро! Это как бы другое.

Этой мыслью я себя успокоила.

— Наверняка его уже в озеро отнесло, — заметил мельник, покачивая люльку. Только сейчас я заметила, что он сидит и играет с ребенком. — А там его водяной забрал! Или нет! Кароче! Коли хочешь сызнова мельницу завести, тебе биси нужны! Так что придется тебе за ними нырять, доча!

— А с дитем кто посидит? — спросила я, поглядывая в окно. В мутные стекла заглядывала луна. — Тем более, она голодная! А молока у меня почти нет!

— За молоко не переживай! Буду бисы, будет и молоко! Лучшее, что есть в деревне! Пошлешь коров доить, они тебе сколько надо надоят! Лучшее молоко во всей деревне! Парное! — заметил упырь. От него пахло грибами, сыростью и погребом.

— Мне как-то боязно на вас ребенка оставлять! Я как бы к вам доверия не испытываю! — созналась я, глядя на рваную рубаху. У него что? Кол из груди торчит?

— На тятьку? Боязно? Да я тебя, выдру голожопую, после смерти мамки один ростил! — обиделся упырь, чуть не плача. Как вдруг за печкой что-то обиженно закряхтело и зашуршало.

— Э! — крякнул домовой, о котором я почти забыла.

— Ну ладно, и ты помогал! Ты мне скажи, почему у нас в избе паутины столько, а? — насупился упырь, сверкнув глазами. Я слышала тихие поскрипывания люльки. Но ребенка держала ближе к себе. Мало ли, что у этого упыря на уме?

— А ты крышу, когда починишь? А? — усмехнулся домовой, вылезая из-за печки. — Хозяин, тоже мне! Ее ж кады сломали? Кады тебя, хоронили! Ну, значит, не обознался, Насть, что упырь на твоего отца похож!

— Да когда это было! — насупился упырь.

— А у вас что? Кол? — спросила я, глядя на рубаху.

— А! Промахнулись! Хотели в сердце! — посмотрел себе на грудь мельник, запахивая рубаху. — Разрыли, значит. Лежу, терплю. Смотрю, кол достали! Ну итить — колотить! Замахнулись, мол сейчас как всадим.

Упырь промолчал и обижено шмыгнул носом.

— Я же вроде вреда такого не делал! Я просто глаза открыл и спросил:"За что?!". Эти, понятное дело, заорали, кое-как воткнули и давай бежать! В кое-каке у меня еще один торчит! А ниче! Пусть будет! За одежу не сильно цепляет, поэтому пущай торчит! Ты, Насть, когда за бисями пойдешь?

Запустить мельницу это хорошо! Но меня волнует молоко!

— Можно оставить, не боись! — заметил домовой. — Я прослежу!

— Да ты что?

— Думаешь, что я внучку свою обижу? — захрипел упырь. — Да я за нее сам горло порвать готов! Вон, гляди! Она у меня палец оторвала! И рада! Верни деду палец!

— Я пойду с дитем! — заметила я, слыша мерное поскрипывание колыбели.

— А нырять, как ты с дитем собралась? — в один голос выдали и домовой, и упырь. — Или что? На травку положишь, а сама с головой? Так его быстро поветрульки утащат!

— Кто? — округлила я глаза, сверкнув пробелом в образовании.

— Ну фараонки, шутовки, щекотихи… Лобасты! Русалки! — перечисляли домовой и упырь. — Что-то с нашей Настей не то! Она как с барином сошлась, так все позабыла! Ну, это если Леший не опередит их!

— Спасибо, — поблагодарила я, но не от чистого сердца. — Что нужно делать?

— Как что? Вышла на бережок, рубаху сняла, волосы распустила, прочитала слова, которые я тебе дам, а потом в воду заходишь! Ныряешь и ищешь! Тебе самавода показать должна! — заметил упырь. Послышался хруст. Я посмотрела на счастливую малышку, которая радостно играла с пальцами деда. — Ну вот кто так делает? Оторвала у деда еще один палец! Дед только на место приладил!

Глава девятая

— Так! Я иду на озеро, правильно? — спросила я, поглядывая на домового. Только сейчас я заметила, что он косточку гложет. Причем с таким наслаждением. Сам он был похож на гнома — йети, и немножко на мурзика.

— Куриная! — заметил домовой, задумчиво сидя на печке, как парень с сигарой.

— Да! Прямо туда, где река в озеро впадает! — пояснил

упырь, пытаясь понять, на место ли приделал пальцы или все-таки лучше поменять. — Раздеваешься, волосы распускаешь, читаешь про себя слова, которым я сейчас тебя научу и в воду! Только глаза закрой! Клад сам тебе в руки дастся! На то и заговорен!

Десять минут понадобилось, чтобы я выучила слова. Ну, если это сработает! Не хотелось бы снова испытывать судьбу…

— Отлично! — согласилась я, с тревогой поглядывая на идиллию. — Послушай, папа! Если с ребенком что-то случится, я …

— Да иди уже! — махнул рукой упырь. — А мы тут с внучкой поиграем!

Он прижал руки к лицу.

— Нет упыря? — усмехнулся он, а потом убрал. — Откопался упырь! Нет упыря? Откопался упырь!

Никогда я не видела столько детской радости.

Придется поверить! Надеюсь, что домовой дите в обиду не даст!

Я вышла в ночной полумрак, слыша пронзительные скрипы мельницы. Она еле-еле вертелась, зато четко выделялась на фоне дымчатых облаков, подсвеченных луной.

— Так, нужно нам сюда! — заметила я, сворачивая со знакомой тропки. Эта тропка вела вдоль озера, которое серебрилось огромным зеркалом.

— Уху! — послышалось сверху гулкое и страшное

А я чуть не «ухухнулась» от страха, слыша шелест крыльев и веток.

— Я тебя запомнила! — сощурилась я вверх, прижимая руку к сердцу. — Только попадись мне!

Тропка петляла между деревьями, а я слышала приближающийся шелест реки.

— Кажется, тут! — прошептала я, раздвигая кусты. Озеро казалось спокойным и гладким, на его глади то здесь, то там сверкали лунные блестки.

Осторожно, чтобы не издавать лишних звуков, я вышла на самую-самую кромку, снимая с себя платье. Я раздевалась так, как раздеваются пьяные подростки, когда в соседней комнате мирно спят родители в обнимку с ремнем.

Попрыгав на одной ноге, я сняла с себя исподнее.

— Так? Куда бы это все деть? — спросила я шепотом. Класть на траву не хотелось. Платье было белым, нарядным.

Недолго думая, я повесила его на куст, а рядом развесила панталоны.

— Так, — размялась сборная по плаванью в горячей ванне с пенкой и бомбочками. Ветер трепал волосы, а я закрыла глаза и стала шептать заветные слова.

— Водица-водица, иду не топиться, свое забирать, свое доставать… — шептала я, как научил мельник. — Отдай вода, что мое по праву!

Ну, поехали!

Глава десятая

Зажмурившись, я набрала воздух в грудь и упала в воду! Отбив грудь и упершись руками в дно, я поняла, что тут воробью по колено. И надо отползти подальше.

Стоило мне сделать шаг, как мелкое теплое озеро превратилось в холодный глубокий омут!

Сначала все вокруг загудело. Вместо шума леса, наступила гулкая бурлящая тишина и темнота.

— Абыр-быр-быр! — выдала я целую вереницу пузырьков, размахивая загребущими и охочими до клада руками.

«Закрой глаза!», — вспомнила я голос мельника, и при этом чувствовала, как меня погружает все глубже и глубже. Чем глубже меня погружало, тем сильнее на меня накатывала паника.

Я послушно закрыла глаза и выставила руку вперед, в надежде, что клад сам нырнет мне в нее.

И он нырнул. Сначала пальцы ударились обо что-то твердое, потом запутались в чем-то волосатом, а уже потом нашли клад!

Вот только странно… Клад был какой-то подозрительный… Сначала он был мягким, но стоило мне его немного сжать, как клад тут же увеличился в размерах. Эх, чтоб так с зарплатой по-жизни было!

А потом меня резко потащило наверх. Наверно, это тоже часть магии!

— Кхе! — выдала я, а потом открыла глаза, видя как мое «Кхе!», стекает по крайне недовольному лицу красавца —

водяного. Рядом на воде плавали старинные карты. Некоторые рубашкой вверх. Причем, сразу два одинаковых крестовых туза!

— А что у нас козырь? — спросил раскатистый голос Лешего. Казалось, от его голоса деревья заскрипели, а растревоженные вороны с карканьем поднялись в небо.

— Крести, — заметил водяной, сощурив глаза. — Вылови два козырных туза и считай, что я отбился и хожу с дамы! Настя! Ты что творишь?!

А что я творю? Моя обнаженная грудь притерлась к красивой груди водяного.

— Мне н-н-нужно с-с-сундук с ч-ч-чертями д-д-достать! — я прокашлялась и отбила мерзлую чечетку зубами, чувствуя, как меня тащат к берегу. Ноги свело судорогой. Видимо, на дне вода была холоднее, чем сверху.

— Гляди, понравился ты девке! — хохотнул Леший, а его смех пронесся над верхушками вековечных елей. — Она вон! Решила голая топиться!

Уже на мелководье, я поняла, что меня должны отпустить, но почему-то не отпускают.

— Настя, — послышался язвительно — ласковый голос. — Послушай меня, кувшинка моя…

О! Меня так еще никто не называл! А с чего это вдруг такие любезности?

— Еще раз г-г-говорю! Я к-к-клад искала! — выдохнула я, глядя в глаза водяному. — Там было что-то вроде…. Во-

дица-водица, иду не топиться, свое забирать, свое д-д-доставать…

— Настя! Руку разожми! Я понимаю, что ты очень хочешь замуж, но я сказал: «Нет!», — заметил водяной и опустил глаза вниз. У меня от холода не только губы посинели, но и руки судорогой свело. Я как осознала, что тону, как вцепилась в первое попавшееся, и все…

— А мне показалось, что вам п-п-приятно! Вам п-п-приятно, а мне с-с-спокойней! — заметила я, пытаясь уговорить пальцы отпустить водяного. Одна рука держалась за его за волосы, а вторая — самая бесстыжая, знала, за что хвататься. — У меня п-п-просто с-с-судорога! С-с-сейчас п-п-пройдет… Ну, п-п-по — крайней мере д-д-должна!

— А мне что потом делать с судорогой? — спросил водяной. А я не смотря на холод и страх утонуть, чувствовала какое-то необъяснимое влечение.

Но спасибо ветру!

Ветер, который до заплыва казался мне теплым, вдруг показался пронзительно холодным и немного отрезвил меня.

— К тому же, если бы я решила т-т-топиться, то вряд ли бы ст-т-тала разд-д-деваться! Так бы и бу-бултыхнулась! — добавила я, заглядывая в глаза красавцу, на котором висела одной рукой. — И развешивать одежду по … по…

Я обернулась на кусты, видя, что моей одежды нет! Ни белого платья, ни панталон!

Глава одиннадцатая

Я уже мало чему удивлюсь! Даже если ночью ко мне еще какой упырь в моих панталонах завалится!

— Ты что? Развесила ее по кустам? — спросил водяной, а я смотрела на него с негодованием.

— А мне что? В грязь складывать?! — возмутилась я, в надежде, что ее просто ветром сдуло! И плавает она где-нибудь. Или среди кустов валяется!

— А ты знаешь, что одежда, развешанная по кустам, это — подарок русалкам? — произнес водяной. — Так что, считай, что ты подарила им свою одежду.

— Ничего я им не дарила! — возмутилась я. — У меня вообще эти панталоны — единственные, между прочим!

Я опустила глаза вниз на свою руку, вспоминая голос дедушки: «Как рыбка клюнула, так сразу подсекай!».

— Ничего не знаю! Шла бы ты домой, Настенька, — холодно произнес водяной.

— Голая?! — возмутилась я, глядя на него с прищуром. Нехорошим, между прочим!

— Да хоть голая! — заметил водяной, едва заметно усмехнувшись. — Так что, Ненастенька, моя! Сама виновата! Незнание не освобождает от ответственности! Дуй домой!

Значит в моих трусах теперь какая-то русалка полощется, а я тут должна кустотерапией заниматься!

— А если я стесняюсь? — спросила я, глядя прямо в глаза водяному. Я старалась не смотреть на соблазнительные изгибы роскошного мужского тела. До чего же красивыми бы-

вают некоторые сволочи!

— А ты глазки закрой! И не стесняйся! С тем, что про тебя бабы говорят, когда белье полощут, поверь, ты можешь голая по деревне бегать. Хуже уже не будет! — заметил водяной гадким голосом. И снова улыбнулся мне в ответ. — Все, иди, Ненастенька моя. На мельнице мешочек какой найдешь, дырки сделаешь…

Значит так, да?! Ну погоди!

Я, конечно, в рыбалке так себе! Для меня что мормышка, то блесна! И весь мой рыболовный опыт сводился к сидению в панамке с дедушкой ради двух рыбешек. Я тогда была сплошным обгоревшим комариным укусом, свято уверившаяся, что силявка — это пьяная женщина легкого поведения.

Но сейчас, когда я поймала мужчину за золотую рыбку, исполняющую три желания, упускать свой шанс я не собиралась.

— А я никуда не пойду! — возразила я. — Я вообще из воды не вылезу, пока мне одежду не вернут! Мне то ли стыдно, то ли холодно! Я еще не поняла! А воде как бы теплее!

— Значит так, Ненастенька ты моя, — заметил водяной. Он взмахнул рукой, а я почувствовала, как на мне появляется платье. Я, конечно, не смыслила в местных модах, но это платье выглядело так, словно его сделали из чистого золота. Однако, это была искусная вышивка.

Нет, а золотая рыбка точно была просто рыбкой, а не ча-

стью тела? Точно? Нет, я просто спросила!

От неожиданности я отпустила чужую золотую рыбку, которая так и недодала мне два законных желания.

Водная гладь снова была чистой и невозмутимой. Я смотрела на нее, понимая, что пришла я сюда за сундуком! А сундук так и не добыла. Может, я что-то перепутала? Может, стоит попробовать еще раз!

— Я тебе сейчас попробую! — послышался голос водяного. Ой, а я что? Вслух сказала? Да?

Глава двенадцатая

Он резко вынырнул и обдал меня брызгами. Сделав несколько шагов назад я смотрела как красавец подплывает ближе.

— Мне нужно сундук достать! С чертями! — пояснила я, высматривая его в воде. Нет, нет ну мало ли! Вдруг он светится! — Сундук мельника!

Водяной посмотрел на меня, а его глаза сузились до двух подозрительных щелок.

И тут я услышала, как где-то скрипит мостик и слышится старческий голос: «Пошла, сатана!».

В полумраке я увидела силуэт скрюченной бабки, которая тащила через мостик тощую упрямую козу. Коза верещала и упиралась.

Мостик качнулся, а водяной резко обернулся.

— Ах ты ж, сто тебя подыми совсем! Иди, захухря! — выдала бабка, а они с козой застряли посреди моста. Коза

орала, как потерпевшая, бабка пыталась ее переорать. Пока что была ничья.

— Так! — напрягся водяной. — Девяносто девять…

При чем здесь девяносто девять?

Кажется, он даже успокоился.

— А что означает девяносто девять? — спросила я, глядя на то, как бабка тащит козу дальше. Мостик страшно скрипел, качался и, казалось, вот-вот оборвется.

— Жертву! — произнес вместо Водяного голос Лешего. Он пробежал по верхушкам деревьев. — Как сотый пройдет, так в воду упадет! Дань водяному!

Я посмотрела на красавца, вынырнувшего из воды, как на кровожадное чудовище.

— Итак, на чем мы остановились? — спросил водяной, подплывая ближе.

— Иродовы кости! Куды! Куды! Свербигузка! — заорала бабка, а услышала, как по мостику мчится коза, причем, в обратном направлении. А следом за ней, со всей пенсионный прытью летит бабка.

Мостик внезапно обрывается и коза, и бабка летят в воду.

Бульк — бульк!

Водяной замер, а потом как бросится к месту крушения бабкиных надежд поймать козу. Я стояла на берегу и видела, водяной ловко ныряет, как спасатель и тут же выныривает. В его руках бабка. Следующий заплыв, и огромная рука вытащила тощую козу. Через пару секунд бабка и коза лежали

на бережку рядом со мной.

— Ну бабка! —приводил в чувство мокрую насквозь старушенцию водяной. — Давай! Не подведи!

— Пфе-е-е! — выдала воду бабка, кашляя и осматриваясь с подслеповатым прищуром.

А вот коза признаков жизни не подавала. Она так и лежала на песочке, пока бабка тихо выгуливала весь словарный запас, накопленный за всю долгую жизнь.

— Хороша невеста! — заметил ехидный голос Лешего. — Ай! Красавица!

— Ну давай! — тряс водяной несчастную козу. Он тискал ее, как родную, пытаясь привести в чувство! Еще немного, и он ей искусственное дыхание делать начнет. Пока что это походило на непрямой массаж сердца. — Давай, козочка, давай милая! Я тебе сейчас сдохну! Я тебе сейчас утону! Живи, козочка, живи!

— Вот так и поженим! — хохотал Леший, а я понимала, что стала свидетельницей первой встречи жениха с невестой. — Не захотел на девице, будет тебе коза! Мать, как козу звать?

— Белка! Сатана! — прошамкала перепуганная бабка, озираясь по сторонам. Она и на меня косилась нехорошим взглядом.

— Сгинь, нечистая! — фыркнула на меня бабка.

— Я, между прочим, сегодня купалась! — обиделась я.

-Белка, ты подыхать не вздумай! — возмутился водяной,

а я понимала, что уйти не могу. Мне про ларец узнать надо!

Глава тринадцатая

Не каждая коза просыпается после попыток вдуть в нее воздух. Коза с нежным именем Белка открыла свои козьи глаза и увидела, что уже исполняет мечту всех девушек — лежит в объятиях сильного и красивого мужчины, который всеми силами пытается вернуть ее к жизни. Вот только в отличие от девушек, Белка была этому не рада!

— Совет нужен? — не выдержала я, видя, как сильные и умелые руки тащат бессовестную козу с того света, делая непрямой массаж бесчувственного козьего сердца.

— Отстань, Ненастя! — огрызнулся водяной.

— А любовь нужна? — с издевочкой заметила я. Ну не выдержала, ну извините! А нечего говорить, что я так себе, как женщина. — Ну тогда совет да любовь!

И тут случилось чудо.

С диким визгом и криком, словно в нее вдували вовсе не воздух, а просто вдували, Белка очнулась, офонарела, брыкнулась и дала деру в сторону кустов.

— Ты просто не в ее вкусе! — смеялась я, вспоминая, как меня недостаточно красивой посчитали. Вот сегодня меня посчитали некрасивой. А его коза бросила!

Следом за козой встрепенулась бабка, бурчащая что-то ругательно-маразматичное себе под нос.

— Окаяная! Киловязы проклятущие! Совсем людям жития не дают! Тьфу ты, охломонка! Стоять! — заорала баб-

ка, бросаясь вслед за Белкой, убегающей в дремучий лес подальше от влажно — брачных перспектив.

Смех просто душил меня, а я уже и не сдерживалась.

Топот ног и крики: «Стой, родненькая! Куды, окаянная! Я тя хворостиной!» стихли в лесу. Я уж было открыла рот, чтобы обратиться к водяному по поводу ларца.

— Так, сейчас отойду. Одну минутку! — упреждающе выставил вперед руку водяной. Вид у него был так себе. Ну еще бы! Он чуть на козе не женился! — Чуть разрыв сердца не схватил!

Несостоявшийся жених козы Белки пытался отдышаться.

— Чего тебе? — мрачно спросил водяной, сверкнув глазами. Если честно, меня до сих пор душил смех. Но я его героически преодолевала.

— Сундук с чертями мне нужен! — твёрдо произнесла я. — С мельниковскими!

— Нет его! — бросил водяной, искоса и хмуро глядя на меня.

— Это как так? — удивилась я, глядя на воду. Так вот почему, он мне в руки не дался!

— Забрал его. Жених твой. Алексашка. Сам, лично за ним приходил! — заметил водяной, погружаясь в воду.

Озеро снова стало прежним, безмятежным и спокойным. А вот мне до безмятежности и спокойствия было еще ого-го!

Это что ж получается? Это как мне теперь мельницу запустить?

Я поковыляла в сторону мельницы. Что ж теперь делать-то? Ладно, домой приду там и спрошу!

Открыв дверь, я увидела мельника, который что-то бухтел. Сердце на мгновенье замерло. Не случилось ли чего плохого с ребенком?

— Схоронили на перекрестке! — прятал мельник руками лицо. И тут же открывал. — Откопался еретник проклятый!

Домовой лазил по горшкам. Его пушистая задница то и дело хозяйничала в облаке пыли.

— Ну, чего? — напали на меня, а я на всякий случай отобрала дочку и взяла ее на руки.

— Нет сундука, — ответила я. — Забрали!

— Кто?! — переглянулся домовой и мельник. — Я тут всех колдунов да ведьм знаю!

— Эм… Алексашка! — повторила я, вспоминая золотые волосы и раскрасневшуюся девку.

— Ба! — домовой чуть с печки не шлепнулся. Покойник покачнулся.

— Кол мне в сердца, в рот мне ноги! — выругался мельник и почесал плесень на щеке. — Это ж что теперь получается? Он еще сильнее стал! Это свои биси, мои биси… И ведь пронюхал, стервец! Не иначе, как подсказали ему!

— И? И что теперь делать? — перебирала я семейный совет. — Маленькую кормить-то нужно! А молока нет! Да и денег нет! В доме хоть шаром покати!

— Ну, значит, придется тебе, девка, за росстань за бися-

ми идти! — произнес мельник, поглаживая жиденькую бороденку. — А дадут — не дадут, тут как получится!

Глава четырнадцатая

— Ба! Ты гляди! — переглянулись мельник с домовым. — А где ж ты так это принарядиться успела? Чай в другом уходила?

Мельник подозрительно на домового посмотрел. А тот в ответ нахохлился и хмыкнул.

И я рассказала историю, как есть! А что мне скрывать!

— Ну и дела! Это ж надо! Одежду на ветках оставить! — с хохотом переглянулся упырь и домовой.

— Водяной и, правда лютовал страшно! — просмеялся упырь. — Недаром про озеро слава жуткая шла. Как увидят его, как рассмеется, так все! По-любому кто-то утонет! Вот дня не пройдет! Сколько помню! Есть водяные, которые шанежкой берут, а этому утопцев подавай! Понравилась ты ему, видать! Богат он, да чтобы кому чего дал впервые вижу!

— Ну да! Кому и коза невеста! — потешался домовой, утирая слезы смеха.

Просмеявшись, упырь с домовым на меня уставились. В избе было достаточно тепло. Видимо за счет печки!

— Ну че? Идешь на росстань? — спросил упырь, протягивая руки за ребенком. — Бисы кому нужны? Тебе или мне?

— А что такое «росстань»? — спросила я, чувствуя, что ночь какая-то бесконечная получается. Малышка на руках капризничала, пока я ходила ее и баюкала.

— Ты что? Про Марьину Росстань не помнишь? — переглянулись домовой с упырем. Именно сейчас мне и захотелось признаться, что я как бы не Настя. Не их Настя. А другая. Но потом опомнилась и поняла, что лучше промолчать. А вдруг помогать не будут?

— Совсем от любови мозги набекрень у девки! Даже про росстань не помнит! — вздохнул упырь, а я ревниво отвернула от него малышку. — А твоего колдуна как увижу, так шкуру с него спущу! Ничего! И к нему наведаюсь в гости! А пока сюда слушай! Как придешь на росстань, так слова скажи. Явится лебедь белая или псина черная… В нее и полезай…

Я слушала, а у меня брови уже полезли наверх. Мне срочно хотелось померять температуру у упыря.

— Да она у тебя девка неглупая, хоть и любовью пришибленная! Разберется! — махнул пушистой лапкой домовой.

— А мне, простите, в зверюшку с какой стороны лезть? Спереди или сзади? — уточнила на всякий случай я, представляя глаза лебедя, которому все это предстоит.

— Ну ты даешь! — снова переглянулись упырь и домовой, словно я все детство в лебедей и собачек лазила. — Иди! Не ошибешься! А там как скажут! Много не бери! Мало тоже!

От обилия информации у меня кругом голова пошла.

— Может мне корзинку взять? — спросила я, не представляя, вообще, что меня ждет. Мое богатое воображение купило билет на самолет и улетело на какой-то курорт, оставив

меня наедине с голыми фактами и суровой правдой жизни.

— Ты смотри! Догола разденься! — крикнул упырь, когда я уже собралась. — По тропке иди, но к озеру не спускайся. Налево вертай, тропка на росстань и выведет! Там и до деревни рукой подать!

Я вышла из избы, глядя на старинную мельницу.

— Я тебя починю! — пригрозила я ей, сощурившись. Тропка и правда раздвоилась возле поваленного дерева. В ночном полумраке пахло травами. Где-то неподалеку что-то чахоточно цвело и свербело в носу.

Стоило мне выйти из лесочка и спустится с пригорка,как я увидела перекресток. Неподалеку виднелась деревенька, окуривающая ночное небо дымками. Несколько старинных, покосившихся крестов — скворечников, словно грибы торчали возле дороги.

Так, я пришла. Что дальше?

Так, погодите! А вот эти вот люди… они что? Тоже в лебедя лезть собрались?

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась я, глядя на целую толпу — А это все в лебедя? Да?

Глава пятнадцатая

На меня словно по команде посмотрели мрачные личности. По взглядам было видно, что моральными принципами они отягощены не были. И совесть тоже не грызла их по ночам.

Мрачноватые женщины, худые старики с тяжелыми взгля-

дами.

— А кто крайний? — спросила я, глядя на эту очередь. Один мужик в рваной рубахе вздохнул и махнул рукой. Бабка рядом недовольно кхекнула.

— За мной будешь! — скрипучим, как несмазанная телега голосом произнесла она.

— Ме-е-е-е! — послышалось блеяние. — Ме-е-е-е!

Я обернулась и увидела Белку, которую тащила за собой шустрая, как таракан знакомая бабка.

— Тьфу ты, погань собралась окаянная! Глаза бысстыжие! И как на людей смотреть не тошно! Сколько зла людям поделали! У! Нечистые! Гнать вас всех надо метлой! — фыркнула бабка, заходясь от праведного гнева. И тут же добавила. — Кто сегодня принимат? Лебедь или собака?

— Сегодня Лебедь, — послышались ворчливые голоса с начала очереди.

— А! Лебедь, значит! — вздохнула бабка, пытаясь удержать шуструю козу. Коза, которая чуть не стала невестой водяного,рвалась на свободу. — А собака че? Приболела?

— Нет, в отпуске грехов до двадцатого! — послышались ворчливые вздохи. Толпа снова угомонилась и стала сонно ждать. Я чувствовала, словно это действительно какой-то сон.

— Это что? Дочка мельника? Настя? — переглядывались некоторые, зыркая на меня. — Как отец поживает?

— Уже не поживает, — ответила я, вспоминая упыря. —

Упырствует потихонечку…

— Ну где лебедь?! — послышался очень громкий и ужасно недовольный голос. По росстани пробежался ветер. — Он там что? Уснул что ли!

Внезапно я увидела, как прямо в центре перекрестка стала трескаться земля. Под ногами земля загудела, а очередь оживилась: «Ну наконец-то! А то уж думал упырем раньше стану!».

— Это че? — спросила неугомонная бабка рядом. — Перерыв был? Ну это мы вовремя, да Белка!

Я смотрела, как посреди перекрестка появляется огромная лебединая голова со сверкающими глазами.

— Простите, — спросила я у бабки, видя, как очередь под полной луной стала шевелиться в сторону этого жуткого лебедя. — Это правда, что в лебедя лезть надо?

— Правда, — кивнула бабка, глядя на меня с неодобрением.

— А куда в лебедя лезть? — понизила я голос до шепота.

Но мне не ответили. Жуткий лебедь на фоне огромной полной луны смотрелся, как хтоническое доисторическое чудовище — родственник птеродактиля.

— Как в свою тару выдают? Или там? — спросила неугомонная бабка, придерживая козу.

Ей не ответили, шустро продвигаясь вперед. Это было просто невероятно! Земля под Лебедем разверзлась, и подверчивала его красноватым светом.

— Я на минуточку! Я токмо спрошу! — зашустрила бабка, побиваясь вперед. — Только спрошу! Со своей котомкой надо или казенную дают?

«Приходи со своей тарой — сбережешь свое здоровье!», — прочитала я на бересте.

Только сейчас я заметила, что кто-то сидел с сундуком, кто-то с какой-то странной котомкой из березовой коры. Не думала, что увижу такое!

— Я только спросить! — слышался в начале очереди голос бабки и блеяние Белки.

Глава шестнадцатая

Огромный и жуткий лебедь, размером с двухэтажный дом, смотрел на нас горящим взглядом.

— Да я тебе килу на всю пилу посажу! — возмущался кто-то впереди, а я увидела, как бабка и ее Белка уже проврались к Лебедю. Огромная жуткая птица открыла клюв, усеянный мелкими зубами, и мигом проглотила и бабку, и козу!

— Ой! — дернулась я от испуга и неожиданности.

— Коза! — буркнул мужик рядом со мной.

— С козой! — проворчала другая бабка, глядя на меня бельмом.

«Сколько ж эта ночь длится?», — задумалась я, двигаясь вместе с очередью. Мимо нас прошел мужик с мешком. Мешок шевелился, словно в нем котята. Я встревожено проводила его взглядом. Из прохудившегося мешка показались копытце. А на тропинку упал бесенок. Он тут же опомнился

и бросился догонять мужика.

«Не хватает! Избу строить решила! А они у меня что? Только грыжу сажать да ячмень на глазу! И больше ничего не могут! Вот пришлось идти сюда, новых брать!», — донесся до меня разговор двух колдунов.

— Тьфу на вас! Окаянные! Совсем здоровья нет! Тьфу! — послышался голос и блеяние. Знакомая бабка шла и тащила за собой огромный сундук. Я бы такой с места не сдвинула, а она волочила его, как тележку, перепахивая дорогу. Козу она несла подмышкой.

— Вчера бесы были большие, но по пять! А сегодня маленькие, но по три! — выругалась бабка, плюнув на нас. — Килвязы, колдуны проклятущие! Совсем житья от вас не стало!

— Ой, — обернулась я, видя, что моя очередь уже подошла.

Усеянная мелкими зубами пасть — клюв доверия не внушала. Она открылась, а я осмотрелась по сторонам. Не хотелось мне в нее лезть!

— Это что такое? — послышалось нервное за спиной. На меня посмотрели злобные глаза ведьм и колдунов все мастей.

— Стесняется! Видать, впервые! — зашелестела толпа. И тут я вспомнила кроху, ради которой согласилась на все это и шагнула в пасть.

Темнота превратилась в коридор. Коридор закончился

дверью.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась я, открывая ее со скрипом.

«Бесы. Под любые цели», — прочитала я, рассматривая убранство.

Пока что все напоминало банк в старинном стиле. Много дерева, столы с номерами. За каждым из них сидел сотрудник.

И вместо буклетов береста или что-то в этом роде. Я осторожно потянула руку: «БесПлатно!», — прочитала я, удивляясь и осматриваясь.

— Что вам нужно? — послышался вежливый голос, а я увидела мужичка с прической на пробор. Я очутилась за столом напротив этого мужичка.

— Мне бес нужен, — заметила я, теряясь. — Мельницу вертеть!

— Меньше трех не даем! — заметил мужик, пока я думала. А три мне зачем?

— Ну мне один как бы нужен! — заметила я, немного осмелев. — Настасья. С мельницы.

— Так, дочка мельника Настасья! — мужик достал огромный список. — Хорошо! Заполняйте!

Передо мной появился бланк. Я с удивлением стала его читать. Возле левой руки появилось перо! Я схватила его и вписала свое имя.

— Так, если у меня отец — Афанасий… Но я Афанасьева!

— решила я, поглядывая на зализанного «приказчика». Тот сидел и вздыхал, перебирая бумаги.

— Так поручитель! — удивилась я. — Нечистая сила, которая может за вас поручиться! Которая в случае чего будет отвечать за ваши поступки, которая…. Понятно!

— Упырь… — вписывала я, но строчка загорелась, и все, что я писала, исчезло.

— Вурдалаков, упырей нельзя! Еретников тоже! — заметил «приказчик». И тут я вспомнила про домового. Почему бы и нет?

— Домовой, — написала я, а строчка снова исчезла. — Сейчас-то что не так?! Он мне не родственник! Это просто домовой! Он живой! Не упырь, не вурдалак!

Случайным делом я подумала, что родственников нельзя! Но домовой –то мне никто!

Я случайно выронила перо, а оно упало на пол. Когда я наклонилась, первое, что я увидела под столом, это огромные копыта и коровий хвост.

— А! Догадалась! — послышался жуткий голос, а я дернулась, едва не упав. Я посмотрела на приказчика, а тот выдохнул и дернулся.

— Простите, — прокашлялся он. — Профессиональное.

— П-п-понятно, — согласилась я. — Так, а почему домового нельзя?

— Домовых нельзя. Посильнее нечисть есть? Ну, кто за вас если что отвечать будет? — спросил сухим голосом бес.

— К кому если что все претензии будут? Кто вам силу давал!

Посильнее, говорите? Посильнее!

— Водяной! — написала я, а мне засчиталось. Не думаю, что он обидится. Кроме него я никого из нечисти не знаю!

Глава семнадцатая

Специалист заглянул ко мне в бумагу и тут же изменился в лице.

— Водяной царь? —с недоверием спросил он, поглядывая на меня. — Что-то верится с трудом! Чем можете доказать ваше близкое знакомство!

Эм… А чем я могу доказать? О! Платье!

— Вот! — натянула я на груди вышивку. — Платье сегодня дал!

Бес присмотрелся, водя невесть откуда появившимся моноклем по расшитому лифу. Монокль поднялся на мое лицо.

— И то правда! — удивился он. — Простите! Так бы сразу и сказали, что от водяного!

— Ну, — пожала я плечами, изображая скромность. И тут же села заполнять дальше. Бери, пока дают!

— Цель получения бесов? — спросила я, поглядывая на копытного специалиста. — Эм… Что писать?

— Пишите: «Для личных нужд», — вежливо подсказал специалист, поглядывая на время и все еще поглядывая на мой наряд.

— Отлично! — обрадовалась я, хотя затея мне не нравилась. Я как бы с кредитами дел иметь не любила. Поэтому и

сидела, как на иголках.

Оставив росчерк подписи, я вручила бумагу обратно.

— Одну минутку! — заметил учтивый бес, пока я мысленно закрывала двери в эту милую организацию. Он исчез, а я посмотрела по сторонам. За соседним столом сидела хмурая бабка с бельмом. Мы с ней стояли вместе в очереди.

— Посадить ячмень и посадить ячмень — это две разные вещи! — доказывали ей, тыча то какими-то колосками, то картинкой с заплывшим глазом.

— Колупай ты, мухоблудный! — ругалась бабка на беса, который стоически сносил все престарелые нападки. — А ну давай бесов!

— У вас все одобрено! — тут же вернулся ко мне бес. — Извините за БЕСпокойство! Вы как? Со своей тарой?

— Эм… Нет, — заметила я, настороженно осматриваясь.

— Вот наш фирменный пакет, — заметил бес, вручая старый пыльный мешок пахнущий сыростью и плесенью. Он шевелился, словно в него поймали несколько котиков.

— Спасибо, — двумя пальцами взяла я, видя, куда мне указывает рука. Я направилась с мешком к табличке «Выход». Открыв дверь, я кубарем покатилась вниз по невидимым ступенькам, а потом растянулась на пыльной дороге. Аккурат позади лебедя.

— Все целы? — спросила я, развязывая мешок. Оттуда на меня смотрели маленькие глазки. — Ладно, пошли!

Я сделала шаг, как вдруг исчезло: и лебедь, и остатки оче-

реди, и ругающаяся бабка с бельмом и ячменем.

Перекресток был пуст! Только ветер завывал в лесу. Я пожала плечами, направляясь в сторону мельницы. Хорошо хоть ее видно было издалека.

Позади меня послышался звон колокольчика, на который я обернулась. Прямо из ниоткуда появилась тройка лошадей с изогнутыми как у лебедей шеями. Что-то мне теперь повсюду лебеди мерещатся!

— Ну что, красавица! — послышался приятный мужской голос. Статный мужик с лихими черными разбойничьими кудрями и не менее лихой золотой сережкой в ухе стоял на облучке. — Поехали кататься?! С ветерком! Пряником угощу! И петушком сахарным!

— Мужчина! Засуньте ваш петушок обратно в штаны! — выдохнула я голосом очень уставшей женщины.

— Ну что ты так, красавица! Я тебя в меха одену! —рассмеялся мужик, сверкнув крепкими белыми зубами.

— Мех я и сама себе отращу на зиму! — огрызнулась я, чувствуя, как ерзают за спиной черти. — Спасибо за предложение!

Тройка тут же тронулась и исчезла под землей. Вот так номер!

Никому нельзя доверять!

Кое-как я доползла до избушки, видя, как жалко она смотрится со стороны. Тихие поскрипывания лопастей мельницы все еще наводили ужас на мои неприученные к ужасам

нервные клетки.

Только подойдя к двери, я услышала страшный голос домового.

— Не дам ребенка! — орал домовой. — Пошел вон! Куда руки тянешь! Знаю я, что ты с ним делать собрался! Ты ей можешь зубы заговаривать! Мне не надо!

Сердце испуганно подпрыгнуло. Я бросила мешок и влетела в избу, видя хнычущую малышку на руках домового. И упыря, который тянет к ней руки.

— Это что такое происходит?! — дернулась я, хватая скамейку и устремляясь к упырю.

— Как че? — хмыкнул упырь. — Не дает дите! Говорит, разбалую, как тебя! Вырастет такой же захухрей и волочайкой, как мать ее!

Скамейка, тут же угрожающе замахнулась на домового. Не знаю, что такое захухря и волочайка, но обидчивая железа уже работает на полную катушку.

— Настасьюшка! — оживились упырь, когда я опустила скамейку и отобрала дочку.

— Дурак я! — послышался отчаянный голос упыря. А он прошелся по скрипучему полу. — Куда ж я тебя послал! Там же теперь новый порядок! Я ж совсем забыл! Там нужен тот, кто силу тебе давал! Поручитель! С него в первую очередь спрос будет, а он уже с тебя спросит потом! Но ничего! Есть и хорошая новость! Парочка моих чертей на мельнице остались! Их хватить должно!

— Отлично! А этих куда? Обратно нести? — спросила я очень недовольным голосом, открывая дверь и показывая на сырой старый мешок.

— Ба! — переглянулись упырь с домовым. — И как же тебе дали?! Кого ж ты поставила? Неужели упырей берут? Или домовых!

— Водяного, — спокойно ответила я, как вдруг домовой шмякнулся с печи. А упырь покачнулся. — Я просто других не знаю. Ну Лешего слышала пару раз. Просто я о нем забыла…

— Беда-а-а, — в один голос протянули домовой и упырь. И сели на лавку.

Глава восемнадцатая

Я уперла руки в боки.

— А что это вы на меня как на покойника смотрите? — поинтересовалась я со всем недружелюбием!

— Быстро неси бесов обратно! — опомнился упырь. — Надо ж было! Водяного вписала! Ты бы еще своего Алексашку вписала! Не к ночи помянут будет!

Ой, я что-то не додумалась! А надо было бы!

— А в чем дело? — удивленно спросила я, краем глаза видя, как черти из мешка выбираются. — Я их только принесла! Зачем их уносить!

— Обратно неси! — потребовали домовой и упырь так, словно завтра с меня три шкуры сдерут. — С водяным дел лучше не иметь вовсе! Никаких! Отменяй все! Своими си-

лами управимся!

— А раньше никак нельзя было своими силами? Обязательно нужно было в лебедя лезть! — возмутилась я.

И кто тут меня мучить собирается?

Стоило мне только подойти к мешку, как три оттуда выбрались трое чертят. Размером они были с упитанную кошку. Мелкие какие-то… Вид у них был какой-то жалкий и жалобный.

— Вас как зовут? — спросила я, рассматривая работников. Выглядели они колоритно. Черные, пушистые, с пятачками и рожками. Один стоял и мял коровий хвост, вытаскивая из него репейник.

Вот они, мучители! Я-то думала, а тут… Тьфу ты!

— Баламошка, Михрютка и Лябзя! — пискнули бисы, пока я пыталась понять, как бы их обратно отнести. Баламошка был самым крупным. Михрютка самым лохматым. А бес с нежным именем Лябзя — самым мелким. А стоит ли их нести обратно?

— Они же тебя замучают! — закричал упырь, словно пытаясь меня от чего-то уберечь. — Неси обратно! Неси! Пока не поздно!

И он замахал руками в сторону двери.

— Завтра отнесу! Уже светает! Небось, на перекрестке уже никого и нет! — обрадовалась я возможности вздремнуть. Я чувствовала, как по мне камазом проехалась усталость. Сейчас бы отоспаться немного! Ну и ночка!

— Светает? — перепугался упырь, вскочив с лавки. — Как?

Где-то далеко послышался крик петуха.

— Далече собрался? — спросил домовой, а в избу первые лучи света скользнули.

— Да тут неподалеку! — крикнул упырь, бухтя, что еще зарыться надо как следует.

— Тимоху забери! А то совсем надоел! Трещит без умолку! — потребовал домовой, но упырь уже вышел в утренний полумрак.

Он покинул дом так быстро, что оставил открытой скрипучую дверь. Я закрыла дверь и стала устраиваться спать. Под нужды зевающих отлично подходила печка. Только – только я прикорнула, как вдруг почувствовала, что меня трясут за плечо.

— Тетенька, тетенька! — слышались голоса. — Вы нас принесли, а работки не дали! Дай работку! Дай работку!

— У вас сегодня выходной! — проворчала я, глядя на трех бесят, жмущихся друг к дружке. — Отстаньте!

Стоило мне снова прикрыть глаза, как вдруг меня снова пошатали:

— Тетечка, тетечка! — трясли меня, пытаясь вытрясти из меня набегающий сон. — Ну дай работу!

— Ну… — посмотрела я сонно на трудоголиков. — Ну… Эм… О! Прибраться в избе, чтобы все было чисто и уютно!

Только я это проговорила, как бисов, словно ветром сду-

ло. Я помяла тряпку под головой, пахнущую сыростью и улеглась спать, проверяя ребенка.

Я почувствовала отрыв от реальности и погрузилась в мутный сон, напоминавший темный омут. И в этом омуте меня обняли сильные руки. Мягкие губы раздвигали мои губы поцелуем. Нет, до чего же впечатлил меня этот красавец, раз всю ночь чу…

— Тетенька! — трясли меня так, что меня валадало из стороны в сторону. Что там случилось? Пожар? Горим? — Тетенька! Мы все сделали! Со всем управились! Дай работу, а?

Глава девятнадцатая

Я дернулась, видя над собой три черные пушистые рожицы.

— Тетенька, вставай! Мы все убрали! — слышался хрипловатый голосок, словно говорит простуженный ребенок.

— Ну прямо все-все! — кивал рогатой головешкой второй бес.

— Тетенька, а куда мусор девать? — послышался голос третьего.

— Куда-нибудь! — зевнула я, проверяя спящую дочку и накрываясь одеялом.

— Тетенька! — снова стали трясти меня, когда я закрыла глаза. Мысль о том, чтобы отнести их всех на перекресток не казалась мне очень странной. Наоборот! Очень здравой! «Замучают!», — слышался голос упыря. Кажется, мельник

был прав!

— Дай работу! — трясли меня, когда я чуть-чуть приспустила одеяло.

— Хрю! — сделала один пятачок, а светящиеся в темноте глаза придавали бодрости даже самым уставшим тетенькам.

Сон про водяного досмотреть не дали!

— Так, — туго соображала я, прикидывая, куда бы послать чертей. — Дров нарубить! Раз! Молока принести парного — два! Мельницу починить — три!

Стоило мне сказать все это, как бесы тут же исчезли, оставляя меня наедине с разбуженной хнычущей дочкой. Миленка, кажется… Имя –то какое красивое… Милена. Он слова «милая». И правда, такая милая девочка, что прямо не знаю, куда и поцеловать.

— Мама здесь, — прошептала я, прижимая к себе кроху. — Не надо плакать… Мама тебя в обиду не даст! Все у нас с тобой будет!

Я сделала валик между собой и ребенком, укрыла ее, чтобы не простудилась и снова улеглась. От печки шло успокаивающее, убаюкивающее тепло. Очень полезное в утренней прохладе.

— Простите! — заметила я, снова возвращаясь в мечты. Водяной, или кто-то очень на него похожий, стоял с вытянутыми для поцелуя губами и ждал, когда я снова усну. Я обняла его, откинула голову и сон понесся по новой, но уже не по самой приличной колее.

О! Как растревожил красавец мое женское одиночество, раз тут же снится начал! У меня с роду таких красивых мужиков не было!

В эротишно-прекрасном сне, красавец томно положил мне руку на щеку и произнес почему-то хрипло-писклявым голосом:

— Тетенька! Дай!

— Что?! — дернулась я, не понимая, что происходит.

— Тетенька! Дай! — снова писклявым голосом требовательно повторил красавец и моргнул, видимо, сам не ожидая от себя такой соблазнительности и очарования

— Ну да-а-ай! — жалобно повторил красавец во сне. И снова моргнул. Но на этот раз дважды. — Ну че тебе стоит!

Нет, мне-то ничего! Я как бы сегодня морально — фригидная женщина!

И тут меня толкнули в плечо.

Я разлепила глаза, видя, как на мне сидят трое.

— Дай работу! — заорали бесы, радуясь и переглядываясь.

Я поняла, что поспать они мне не дадут! Ну никак! Поэтому придется довольствоваться теми крохами сна, которые я урвала. Лениво встав с печки и прижав к себе Миленку, я увидела, что в доме вынесено все! Вот прямо все! И даже стол вместе с люлькой. Печка осталась, видимо потому, что ее не смогли демонтировать!

Первой мыслью было, что это таинственный Алексашка

решил ограбить меня на алименты. Может, он и мой бывший. Но как колдун он все еще нынешний!

— Мы все убрали! — гаденько хихикнули бесы. — Как и просила! Мы печку только убрать не смогли!

И на том спасибо!

Я открыла дверь, видя, как старая мельница на ладанку дышит, скрипя из последних сил. Кажется, она выглядела немного лучше!

— Так, а где молоко парное? — спросила я, осмотревшись.

Мне показали ведро, а в нем, что только не плавало! Понятно!

— А дров нарубили? — спросила я, вздыхая.

— О! Дров мы нарубили! Не зря же в деревню бегали! Там мы таких дров нарубили, мама не горюй! — выпятили пушистые грудки маленькие чертята.

Глава двадцатая

Каких дров в деревне?

Мысль молниеносно промелькнула в голове, заставив сглотнуть.

— Тетенька! Дай работу! — дергали меня за юбку, пока я смотрела на развалины мельницы.

— Идите и… — закусила губу я, понимая, что нужно что-то придумать. — Сделайте что-нибудь хорошее, полезное!

— Какое хорошее, полезное? — переглянулись чумазыми мордочками бесы. — Мы — бесы! Мы хорошего не делаем!

Только плохое!

Я срочно требую инструкцию по бесоводству! Почему никто мне не сказал, что бесов для плохого заводят?

— Гадости там всякие, — замялся самый маленький бесенок, ковыряя свой репейник в хвосте. — Пакости! Большие и маленькие! Тетенька! Дай работу!

— И какую я вам работу дам? — спросила я, видя, как эта троица скачет вокруг меня.

— Спортить кого-нибудь! — наперебой стали предлагать бесы. — Килу напустить! Грыжу посадить! Гадость кому-нибудь сделать! Поругать, рассорить!

— Нас ведь для того колдуны и растили когда-то, для того и вызывали! Чтобы гадости другим делать. А больше мы ничего не можем делать, кроме гадостей! — вставил Михрютка.

И все они посмотрели на меня, как на властелина зла.

— Гадость, говорите, — задумалась я, поглядывая на мельницу и избу. От избы одно название осталось. Крыша почти провалилась, окна наполовину в землю заросли. Какой-то редут, а не избушка.

Мысли вертелись вокруг чего-то, что я никак не могла уловить. Сейчас — сейчас! Одну минутку! Сейчас на мельнице родится темный властелин! Сейчас-сейчас здесь будет не мельница, а цитадель зла, оплот ужаса и кошмаров!

— Так, — нахмурила я бровь, делая такое лицо, словно собираюсь поставить мир на колени. Расправив плечи, я сде-

лала глубокий вдох. Моя рука в повелительном жесте зависла над зарослями не то крапивы, не то лебеды.

— Именем сил зла! — произнесла я очень зловещим голосом. — Повелеваю вам, о, слуги мои!

Бесы замерли, как три суслика, глядя на меня с благоговением миньонов. Ну до чего же они милые!

— Починить избу! — властно произнесла я, тут же собирая невидимую силу в кулак. — Чтобы все соседи умерли от зависти! Чтобы задохнулись от зависти, при виде новой крыши! Новых окон! Чтобы корежились и зубами скрипели, чтобы сон потеряли и покой! Чтобы жена мужу каждый вечер говорила: «Гляди, как мельники избу поладили! А ты?». Чтобы разругалась на этом и рассорилась не одна деревенская семья! Чтобы миски и плошки летали о дому! Вот!

Бесята смотрели на меня масляными глазками.

— Дом поладили, а вся деревня рассорилась! — заметила я, вздыхая. — Жены мужей из дома повыгоняют! Всю плешь проедят!

— О! Наконец-то! Сколько зла мы совершим! — обрадовались бесы, бросаясь на избушку. Она зашаталась, закряхтела, выкорчёвываясь из земли, как старое, вросшее корнями дерево.

Властелинша зла, королева тьмы и потемков, злобная ведьма и так далее, стояла и не успевала удивляться, видя, как быстро и ловко работают бесы.

Словно маленькие пушистые комочки, они мелькали то

здесь, то там, а изба превращалась, если не в коттедж, то в сказочную избушку с открытки.

— Готово! — послышался голос бесов, а они стояли довольные и уставшие. — Тетенька! Дай работу!

Что? Опять? Нет, так дело не пойдет. Это на сколько их хватило? Минут на тридцать!

Я пошатала новые, пахнущие свежим деревом двери, а потом открыла их.

Ба!

Глава двадцать первая

— Тетенька! Дай работу! — дергали меня за юбку. — Спортить кого, или пакость сделать!

— Мельницу почините! — кивнула я на старую скрипучую мельницу. Ничего, я сейчас во вкус войду! — А я… а я… Сделаю пятницу и понедельник сокращенным рабочим днем! Поставлю обед с часу до «вы че? Подождать не можете?»! И открываться буду не в восемь, а в «конечно, время видела!»! Тут будут стоять огромные очереди и будет слышится: «Кто последний!» и «А ты куда! Я с вечера занимал!». Злость, ненависть, нервы! О, сколько нервов здесь оставят люди!

— Ого! — затаив дыхание переглянулись бесы. И посмотрели на меня с уважением! Как на истинное зло. — Вот только мельницу никак! Там свои живут! Это их мельница! Мы их боимся!

— Свои? — насторожилась я, глядя на жуткую мельницу.

Тут еще лопасти проскрипели, а у меня мурашки побежали. Бррр! Понятно! Мы туда не ногой!

— Молока надоить! — продолжила я, баюкая малышку. Та смотрела на меня пухлыми щечками и хитрыми глазками. И дула пузырек слюнки. Дразнит маму? Дразнит — дразнит!

— И чтобы с утра семья встала, а корова пустая! — потребовала я, чувствуя себя филиалом злющего зла. — Криков, воплей, кто доил! Пусть на соседей подумают! Все понятно?

И тут я подумала, что мне как бы немножко-то надо.

— Вот столечко! — добавило зло, показывая на примере ведра. — В чистое ведро!

Бесы исчезли, а брезгливое зло вернулась в дом.

— Ба! Все что нажито непосильным трудом! — ревел домовой, сидя на печке. — Вот как я теперь буду без всего этого?

— Ну да! Как теперь жить без дырявого ведра! Не жизнь, а мука! Без тряпки старой — вообще не жизнь! — передразнивала я его, занимаясь поисками съестного. Но дома было хоть шаром покати.

— Уууу! — выл домовой, сморкаясь в старую тряпку как духовой оркестр.

— У нас есть что есть? — жалобно спросила я, вручая ребенка домовому. Нет, может, рыбки еще немного осталось со вчера?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.